

ЖЕРТВЫ БУЛЛИНГА: АНАЛИЗ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ПАТТЕРНОВ И СУИЦИДОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА

А.В. Меринов, А.Ю. Алексеева, Е.Р. Завалова

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова» Минздрава России, г. Рязань, Россия

VICTIMS OF BULLYING: AN ANALYSIS OF EDUCATIONAL PATTERNS AND SUICIDOLOGICAL STATUS

A.V. Merinov, A.Yu. Alekseeva, E.R. Zavalova

Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia

Информация об авторах:

Меринов Алексей Владимирович – доктор медицинских наук, доцент (SPIN-код: 7508-2691; Researcher ID: M-3863-2016; ORCID iD: 0000-0002-1188-2542). Место работы и должность: профессор кафедры психиатрии ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России. Адрес: Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9. Телефон: +7 (4912) 75-43-73, электронный адрес: merinovalex@gmail.com

Алексеева Алевтина Юрьевна (SPIN-код: 5577-2705; ResearcherID: I-6896-2018; ORCID iD 0000-0001-7311-3282). Место учёбы: клинический ординатор кафедры психиатрии ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России. Адрес: Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9. Телефон: +7 (920) 962-10-70, электронный адрес: enjoy.the.silence@icloud.com

Завалова Елена Романовна (SPIN-код: 7564-5262; ResearcherID: ALL-7302-2020; ORCID iD 0000-0002-7406-4563). Место учёбы: студентка 5 курса лечебного факультета ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России. Адрес: Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9. Телефон: +7 (929) 067-01-60, электронный адрес: er46280@gmail.com

Information about the authors:

Merinov Alexey Vladimirovich – MD, PhD, Associate Professor (SPIN: 7508-2691; ORCID iD: 0000-0002-1188-2542; Researcher ID: M-3863-2016). Place of work and position: Professor of the Department of Psychiatry Ryazan State Medical University. Address: Russia, 390026, Ryazan, 9 Visokovolt'naya str. Phone: +7 (4912) 75-43-73, email: merinovalex@gmail.com

Alekseeva Alevtina Yuryevna (SPIN-code: 5577-2705; ResearcherID: I-6896-2018; ORCID iD 0000-0001-7311-3282). Place of study: Clinical Resident of the Department of Psychiatry "Ryazan State Medical University named after Acad. I.P. Pavlov". Address: Russia, 390026, Ryazan, 9 Vysokovolt'naya str. Phone: +7 (920) 962-10-70, email: enjoy.the.silence@icloud.com

Zavalova Elena Romanovna (SPIN-code: 7564-5262; ResearcherID: ALL-7302-2020; ORCID iD 0000-0002-7406-4563). Place of study: 5th year student of the Faculty of Medicine "Ryazan State Medical University named after Acad. I.P. Pavlov". Address: Russia, 390026, Ryazan, 9 Vysokovolt'naya str. Phone: +7 (929) 067-01-60, email: er46280@gmail.com

В последние десятилетия отечественный лексикон обогатился таким важным термином как «буллинг». Буллинг (травля в коллективе) – это системный психологический террор, издевательства более сильной группой или индивидом, над другим, более слабым в течение продолжительного времени. Значительная часть публикаций по данной теме представлена в англоязычном сегменте. Тем не менее, на настоящий момент причины этого явления остаются неясными, а последствия – обозначены недостаточно конкретно. Цели и задачи: изучение влияния буллинга на аутоагрессивный, и, в частности, на суицидологический профиль юношей и девушек, а также поиск его возможных предикторов. Материалы и методы: изучены 123 девушки (средний возраст 21,9±2,5 года) и 35 юношей (средний возраст 22,4±2,7 года), систематически подвергавшихся буллингу. В группу контроля вошли 126 девушек и 30 юношей, соответствующего возраста. В качестве диагностического инструмента использовался клиничко - анамнестический опросник для выявления аутоагрессивных паттернов и их предикторов в прошлом и настоящем, международный опросник ICAST-R, опросник для оценки неблагоприятного детского опыта CTQ. Было произведено сравнение всех изучаемых признаков в подгруппах. Математическую обработку данных проводили с помощью программ SPSS-Statistics и Statistica 12. Результаты: согласно полученным данным, 45% девушек и 46% юношей когда-либо в жизни подвергались буллингу, из них – 5% девушек и 8% юношей переживали «регулярный буллинг», что в целом говорит о широкой распространённости данного феномена. Стоит отметить, что девушки и юноши из исследуемой группы в большей степени были подвержены различным видам насилия (эмоциональное, физическое, сексуальное) в детстве относительно групп контроля. Также изучены некоторые паттерны родительства. Были выявлены отличия в отношении базовых установок чувства безопасности и защищённости в семье. Полученные данные могут указывать на формирование позиции «хронической жертвы», привычной в родительской семье. При оценке суицидологических характеристик изучаемых групп были выявлены следующие статистически значимые показатели. В исследуемых группах более 50% девушек и 48,5% юношей имели мысли о воз-

возможности совершения суицида. Обдумывали способ совершения суицида 45,5% девушек и 42,8% юношей (в группе контроля – 26,1% и 10%), составляли план самоубийства (24,3% девушек и 17,1% юношей против 8,7% и 0% контроля соответственно), отметили наличие суицидальной попытки в анамнезе – 18,7% девушек (в контроле – 7,1%). Выводы: таким образом, можно предположить, что буллинг может являться «промежуточным» этапом, укореняющим и усиливающим позицию «я – не ОК», а также – фактором, катализирующим аутоагрессивное поведение. Факт буллинга должен настораживать в плане потенциально высокого риска аутоагрессивного поведения и может, без сомнения» быть отнесён к предикторам суицидального поведения.

Ключевые слова: буллинг, травля, дисфункциональная родительская семья, аутоагрессивное поведение, суицидальное поведение

В последние десятилетия отечественный лексикон обогатился таким термином как «буллинг». Несмотря на увеличение интереса к данной проблеме, в нашей стране она пока изучена недостаточно, долгие годы о ней вообще было не принято говорить. В настоящее время термин «буллинг» отождествляется преимущественно с насилием в молодёжной, в том числе школьной, среде [1]. От других форм насилия буллинг отличается тем, что осуществляется более сильной группой или индивидом над другим более слабым в течение длительного времени [2, 3]. Большинство публикаций на тему буллинга основано на данных, полученных зарубежными исследователями. Неясными остаются причины этого явления, а последствия иногда видятся расплывчато, поскольку мнения авторов на этот счёт достаточно противоречивы [2, 3, 4].

Существуют несколько критериев прямого и косвенного влияния буллинга на человека, отметим самые токсичные: переживание травли отрицательно воздействует на «Я-концепцию», нарушение идентичности, которое порождает безысходность и бездействие, что чаще всего формирует мысли о самоубийстве [1, 3, 4, 5]. Установлено, что «жертва» рискует зафиксировать проблемное поведение и иметь склонность к депрессивным расстройствам [5, 6]. Высказываются мнения, что жертвами в такой ситуации становятся неслучайно: подверженность буллингу может быть предсказана по индивидуальным характеристикам и семейным факторам [7].

Буллинг достаточно широко распространён в популяции. По данным ВОЗ [8] ежегодно миллионы детей страдают от травли в учебных заведениях. В российских школах регулярно насилию минимум 2-3 раза в месяц подвергаются от 12 до 24% подростков [9]. Таким образом, это явление нуждается в более детальном изучении, направленном на понимание его «корней», последствий и точек приложения профилактической активности.

Целью исследования был поиск возможных предикативных причин буллинга, а также оценка его возможного значения для суицидологической практики в нашей стране.

Материалы и методы.

Для решения поставленных целей были обследованы репрезентативные группы девушек и юношей. Все они являлись студентами старших курсов ВУЗов. Были выделены следующие подгруппы: девушки и юноши, подвергавшиеся буллингу (ДБ+; ЮБ+), а также – девушки и юноши, не подвергавшиеся буллингу (ДБ-;

In recent decades, the domestic lexicon has been enriched by such a term as “bullying”. Despite the growing interest to this problem, it has not been studied enough in our country yet, for many years it was not customary to even talk about it. Currently, the term “bullying” is identified mainly with youth violence, including school environment [1]. Bullying differs from other forms of violence in that it is carried out by a stronger group or individual over a weaker one for a long time [2, 3]. Most publications on the subject of bullying are based on data obtained by foreign researchers. The reasons for this phenomenon remain unclear, and the consequences are sometimes vague, since the opinions of the authors on this subject are quite contradictory [2, 3, 4].

There are several criteria for the direct and indirect impact of bullying on a person, we note the most toxic ones: the experience of bullying negatively affects the “I-concept”, an identity violation that generates hopelessness and inaction that most often lead to formation of suicide thoughts [1, 3, 4, 5]. It has been established that the “victim” runs the risk of fixating problematic behavior and is prone to depressive disorders [5, 6]. There are expressed opinions that victims in such a situation are not accidental: exposure to bullying can be predicted by individual characteristics and family factors [7].

Bullying is quite widespread in the population. According to the WHO [8], millions of children annually suffer from bullying in educational institutions. In Russian schools, from 12 to 24% of adolescents experience regular violence at least 2-3 times a month [9]. Thus, this phenomenon needs a more detailed study aimed at understanding its “roots”, consequences and points of application of preventive activity.

The aim of the study was to search for possible predictive causes of bullying, as well as to assess its possible significance for suicidological practice in our country.

Materials and methods.

To achieve these goals, representative groups of girls and boys were examined. All of them were senior students of universities. The following subgroups were distinguished: girls and boys who were bullied (FB+; MB+), and also girls and boys who were not bullied

ЮБ-). Критерием включения в исследуемую группу являлись: положительный ответ на вопрос: «Вы в прошлом подвергались буллингу?» (критерии выявляемого явления обсуждались с респондентами); получение информированного согласия об участии в исследовании. Критерием исключения являлись: разовые конфликтные ситуациями с окружением, иные напряженные отношения, не соотносимые респондентом с понятием «травли». В группу лиц, подвергавшихся буллингу, вошли 123 девушки и 35 юношей. Возраст в первой группе составил $21,9 \pm 2,5$ года, во второй – $22,4 \pm 2,7$ года. В группу контроля вошли 126 девушек и 30 юношей (средний возраст – $21,6 \pm 2,2$ и $22,1 \pm 2,8$ года соответственно).

В качестве диагностического и исследовательского инструментария использовались следующие методики. Клинико-анамнестический опросник для выявления аутоагрессивных паттернов и их предикторов в прошлом и настоящем [10]. Международный опросник для изучения распространенности насилия над детьми (ICAST-R) [11], позволяющий изучить опыт пережитого в детстве насилия среди молодежи 18-24 лет. Опросник для оценки травм, полученных в детстве (СТQ) [12] для скрининга детского травматизма, измеряющий следующие виды жестокого обращения: эмоциональное, физическое и сексуальное насилие, а также эмоциональное и физическое пренебрежение.

Статистический анализ и обработку данных проводили посредством параметрических и непараметрических методов математической статистики с использованием критериев Стьюдента, χ^2 . Параметрические данные в работе представлены в виде $M \pm m$ (среднее арифметическое $\pm$ стандартное отклонение). Описание статистических данных для непараметрических критериев представлено в виде n (%) (абсолютное количество признаков в группе и его процентное отношение к общему количеству членов группы). Математическую обработку данных проводили с помощью программ SPSS-Statistics и Statistica 12.

Результаты и их обсуждение.

Проанализируем полученные данные, касающиеся возможного детского травматизма и ретроспективного анализа пережитого насилия в группе девушек. Статистически значимые отличия представлены в таблице 1.

Из таблицы следует, что между группами девушек обнаруживаются значительные отличия в отношении таких показателей как, уровень актуального стресса, а также, различных видов детского насилия. Два разных диагностических инструмента, направленных на выявление наличия опыта пережитого насилия в детстве, свидетельствуют о том, что девушки из исследуемой группы подвергались различным формам эмоционального насилия существенно чаще, чем девушки из контрольной группы.

(FB-; MB-). The criteria for inclusion in the study group were: a positive answer to the question: “Have you been bullied in the past?” (criteria for a detected phenomenon were discussed with respondents); informed consent to participate in the study was obtained. The exclusion criteria included: one-time conflict situations with others, other tense relations that were not related by the respondent with the concept of “bullying”. The bullying group included 123 girls and 35 boys. The mean age in the first group was 21.9 ± 2.5 years, in the second – 22.4 ± 2.7 years. The control group included 126 girls and 30 young men (mean age – 21.6 ± 2.2 and 22.1 ± 2.8 years, respectively).

The following methods were used as diagnostic and research tools. Clinical - anamnestic questionnaire for the detection of auto-aggressive patterns and their predictors in the past and present [10]. The international Ispan Child Abuse Screening Tools-Retrospective (ICAST-R) [11], which allows to study violence experienced in childhood among young people aged 18-24. Childhood Trauma Questionnaire (CTQ) [12] for screening childhood injuries, measuring the following types of abuse: emotional, physical and sexual abuse, and emotional and physical neglect.

Statistical analysis and data processing were performed with parametric and non-parametric methods of mathematical statistics using Student's criteria, χ^2 . The parametric data in the work are presented in the form $M \pm m$ (arithmetic mean $\pm$ standard deviation). The description of statistical data for nonparametric criteria is presented in the form of n (%) (the absolute number of attributes in the group and its percentage of the total number of group members). Mathematical data processing was performed using the SPSS-Statistics and Statistica 12 programs.

Results and its discussion.

Let us analyze the data obtained regarding possible childhood injuries and a retrospective analysis of the experienced violence in a group of girls. Statistically significant differences are presented in table 1.

The table shows that between the two groups of girls significant differences are found in relation to such indicators as the level of actual stress, as well as various types of child abuse. Two different diagnostic tools aimed at identifying the experience of experienced violence in childhood indicate that girls from the study group underwent various forms of emotional violence much more often than girls from the control group.

Таблица 1 / Table 1

Анализ пережитого детского насилия девушек, имевших в анамнезе факт буллинга
 Analysis of childhood violence experienced by girls who had a history of bullying

Признак Indicator	(ДБ+ / FB+) M±m n=123	(ДБ- / FB-) M±m n=126	p
Анализ психологических травм, полученных в детстве Analysis of psychological childhood traumas (CTQ)			
Эмоциональное насилие / Emotional violence	10,14±4,87	7,29±3,06	0,000
Физическое насилие / Physical violence	7,17±3,37	5,81±2,20	0,000
Анализ пережитого насилия Analysis of experienced violence (ICAST-R)			
Физическое насилие / Physical violence	1,33±1,30	0,78±1,05	0,000
Эмоциональное насилие / Emotional violence	1,18±1,05	0,56±0,86	0,000
Сексуальное насилие / Sexual violence	0,42±0,85	0,14±0,57	0,001

Значения индикатора в отношении сексуального насилия достаточно малы, но, следует обозначить их наличие и существенную статистическую разницу. Какова причина связи буллинга и наличия детской психологической травматизации – требует дальнейшего уточнения. Однако существует множество свидетельств возможного влияния негативного раннего детского опыта на адаптационные механизмы взрослых людей [7, 13], формирование неконструктивных «сценарных» форм поведения [10, 12].

Проанализируем некоторые паттерны родительствования, обнаруживаемые в исследуемой группе.

У девушек, подвергавшихся буллингу, прослеживаются отличия в отношении базовых установок чувства безопасности и защищённости в семье по сравнению с группой контроля. Дети в процессе воспитания не получали эмоциональный и физический отклик от значимых взрослых, психологическую (и не только) безопасность личности. Данные самоотчетов логичным образом соответствуют данным, приводимым в первой таблице. Впоследствии 54,4% девушек в исследуемой группе отметили, что часто боялись возвращаться домой.

The indicator values for sexual violence are quite small, but their presence and significant statistical difference should be indicated. What is the reason for the connection of bullying and the presence of child psychological trauma – this question requires further clarification. However, there is ample evidence of the possible impact of negative early childhood experience on the adaptive mechanisms of adults [7, 13], the formation of unconstructive “scenario” forms of behavior [10, 12].

Let us analyze some parenting patterns found in the study group.

The bullied girls showed differences in the basic attitudes of the sense of security and safety in the family as compared to the control group. In the process of upbringing, children did not receive an emotional and physical response from significant adults, or the psychological (and not only) personal safety. Self-reporting data logically corresponds with the data given in the first table. Subsequently, 54.4% of the girls in the study group indicated that they were often afraid to return home.

Таблица 2 / Table 2

Особенности родительствования девушек, имевших в анамнезе факт буллинга
 Family parenting styles of girls who had a history of bullying

Признак Indicator	(ДБ+ / FB+) n=123		(ДБ- / FB-) n=126		χ ²	Знач. Df / Df index	p
	n	%	n	%			
Чувство эмоциональной изоляции в родительской семье Feeling of emotional isolation in the parent family	57	46,3	28	22,2	16,10	1	0,000
Чувство физической изоляции в родительской семье Feeling of physical isolation in the parent family	28	22,7	13	10,3	7,01	1	0,008
Страх возвращаться домой в прошлом Fear of returning home in the past	67	54,4	29	23,0	25,99	1	0,000

Большинство случаев буллинга, обнаруживалось учителями или благодаря физикальным признакам, семья же долгое время оставалась вне ведения, тем более, безусловно, не выполняя барьерную и буферную функции, что согласуется с данными других исследователей [6, 11]. Более того, полученные данные, в определённой степени, могут указывать нам на формирование у ребёнка некой психологической или сценарной предрасположенности, формирующей особую восприимчивость к зачаткам буллинга: позицию «профессиональной жертвы», привычную в родительской семье. Некую хроническую неудовлетворённость, возможно, являющуюся почвой для последующей травли, неспособности постоять за себя в условиях отсутствия демпфирующей семейной функции.

Нам представляется вполне логичной подобная траектория: «особенности семейной системы» – «формирование определённых черт личности» – «возникновение буллинга». Буллинг же в свою очередь, к сожалению, позволяет усиливать существующую жизненную позицию «Я – не ОК`ей», запуская некий порочный круг. Специалистам часто приходится слышать: «В школах дразнят и обижают всех, переживут». На наш взгляд, вышеизложенная информация способна хотя бы частично пролить свет на существующий порядок вещей. Почему кого-то нападки касаются однократно, а кто-то «хронифицируется», становясь объектом постоянного буллинга.

На следующем этапе оценим суицидологические характеристики изучаемой подгруппы.

В исследуемой группе более 50% девушек отмечали наличие мыслей о возможности совершения суицида, обдумывали способ и составляли чёткий план самоубийства 45,5% и 24,3% девушек соответственно; 18,7% пытались покончить жизнь самоубийством, что в 2-2,5 раза превышает показатели группы контроля.

Most cases of bullying were detected by teachers or due to physical signs, while the family remained out of control for a long time, especially, certainly, not performing the barrier and buffer functions, which is consistent with the data of other researchers [6, 11].

Moreover, the data obtained, to a certain extent, may indicate to us that a child develops a certain psychological or scenario predisposition that forms a special susceptibility to the bullying conception: the position of a “professional victim”, which is usual in a parental family. Some chronic dissatisfaction, possibly being the basis for subsequent persecution, inability to stand up for oneself in the absence of damping family function.

The following trajectory seems quite logical to us: “features of the family system” – “the formation of certain personality traits” – “the occurrence of bullying”. Unfortunately, bullying, in its turn, allows you to strengthen the existing life position “I am not OK,” starting a vicious circle. Specialists often hear: “In schools everybody is teased and offended, they will come over that.” In our opinion, the above information can at least partially shed light on the existing order of things. Why is someone attacked once, and someone is “chronically” offended, becoming the constant object of bullying?

At the next stage, we evaluate the suicidal characteristics of the studied subgroup.

In the study group, more than 50% of girls noted the presence of thoughts about the possibility of committing suicide, 45.5% and 24.3% of girls, respectively pondered the method to commit it, and drew up a clear suicide plan; 18.7% tried to commit suicide, which is 2-2.5 times higher than the control group.

Таблица 3 / Table 3

Суицидологические характеристики девушек, имевших в анамнезе факт буллинга
Suicidological characteristics of girls who had a history of bullying

Признак Indicator	(ДБ+ / FB+) n=123		(ДБ- / FB-) n=126		χ^2	Знач. Df / Df index	p
	n	%	n	%			
Желание заснуть и не проснуться Desire to fall asleep and not to wake up	48	39,0	29	23,0	7,46	1	0,000
«Завидовали» умершим "Enviied" the deceased	18	14,6	5	3,9	8,44	1	0,003
Шутки о суициде / на суицидальную тематику Suicide Jokes	68	55,2	50	39,6	6,07	1	0,013
Суицидальные мысли в анамнезе A history of suicidal thoughts	68	55,2	36	28,5	18,26	1	0,000
Обдумывание способа совершения суицида Pondering suicide method	56	45,5	33	26,1	10,13	1	0,001
Составление плана самоубийства Planning Suicide	30	24,3	11	8,7	11,09	1	0,000
Суицидальная попытка в анамнезе A history of a suicide attempt	23	18,7	9	7,1	7,42	1	0,006

Те же особенности в значительной степени касаются и просуицидальных идеаций пассивного характера. Эти данные являются весьма настораживающими в отношении суицидологической «плоскости» и заслуживают пристального внимания, на что обращалось внимание и ранее [3, 11, 14]. Полученные результаты свидетельствуют в пользу того, что девушки, подвергшиеся буллингу, в своём прошлом достаточно часто имели дисфункциональную модель родительства или подвергались эмоциональному, физическому насилию, что в дальнейшей жизни ассоциировано с весьма значительным суицидальным риском. Мы не имеем достоверных статистических данных, касающихся связи буллинга и завершённых детско-подростковых суицидов. Однако суицидологический профиль ныне живущих взрослых жертв буллинга, позволяет высказать предположение о наличии таковой связи. Ранее мы располагали данными о связи детского травматического опыта и высокого суицидального риска [14-17], либо буллинга и суицидального риска [3], теперь же, мы можем предположить в качестве одного из «промежуточных», опосредующих звеньев между детской травмой и суицидальностью – подверженность буллингу.

Перейдём к оценке данных, полученных при изучении отличий между соответствующими группами юношей. Проанализируем полученные данные в отношении детского травматического опыта (табл. 4).

Оба использованных в исследовании опросника обнаруживают статистически значимую разницу в отношении эмоционального насилия. Данные ICAST-R также говорят в пользу более частых эпизодов физических наказаний дома. В целом «профиль» детского насилия и его форм, сходен у юношей и девушек, подвергавшихся буллингу. Юноши в отношениях с родителями не чувствовали себя эмоционально и физически изолированными, что серьёзным образом отличает их от аналогичной группы девушек. Это в определённой степени может быть связано с гендерными аспектам как самого воспитания (родительский компонент), так и особенностями восприятия действия или дискантирующей ситуации [12, 17].

The same features are largely related to passive suicidal ideations. These data are very alarming in relation to the suicidological perspective and deserve close attention, which we have already mentioned earlier [3, 11, 14]. The results indicate that girls bullied in their past quite often had a dysfunctional model of parenting in their family or were subjected to emotional, physical abuse, which in later life is associated with a very significant suicidal risk. We do not have reliable statistics regarding the relationship between bullying and completed child-teenage suicides. However, the suicidological profile of the currently living adult victims of bullying allows us to state a hypothesis about the existence of such a connection. Previously, we had data on the relationship of childhood traumatic experience and high suicidal risk [14-17], or bullying and suicidal risk [3], now we can assume as one of the “intermediate”, mediating links between the child trauma and suicide is exposure to bullying.

We proceed to evaluate the data obtained by studying the differences between the corresponding groups of young men. Let us analyze the data obtained in relation to children's traumatic experience.

Both questionnaires used in the study show a statistically significant difference in relation to emotional abuse. ICAST-R data also speaks in favor of more frequent episodes of physical punishment at home. In general, the “profile” of child abuse and its forms is similar for young men and women exposed to bullying. Boys in relations with parents did not feel emotionally and physically isolated, which seriously distinguishes them from a corresponding group of girls. To a certain extent, this can be related to the gender aspects of both the upbringing itself (the parent component) and the peculiarities of perceiving an action or a disconcerting situation [12, 17].

Таблица 4 / Table 4

Анализ пережитого детского насилия юношей, имевших в анамнезе факт буллинга
Analysis of childhood violence experienced by young men who had a history of bullying

Признак Indicator	(ЮБ+ / MB+) M±m n=35	(ЮБ- / MB-) M±m n=30	p
Анализ психологических травм, полученных в детстве Analysis of psychological childhood traumas (CTQ)			
Эмоциональное насилие / Emotional violence	8,86±4,07	7,17±2,56	0,050
Анализ пережитого насилия Analysis of experienced violence (ICAST-R)			
Физическое насилие / Physical violence	1,66±1,14	0,67±0,92	0,0003
Эмоциональное насилие / Emotional violence	1,11±1,05	0,37±0,62	0,001

Таблица 5 / Table 5

Суицидологические характеристики юношей, имевших в анамнезе факт буллинга
Suicidological characteristics of young men with a history of bullying

Признак Indicator	(ЮБ+ / MB+) n=35		(ЮБ- / MB-) n=30		χ^2	Знач. Df / Df index	P
	n	%	n	%			
Шутки о суициде / на суицидальную тематику Suicide jokes	25	71,4	11	36,6	7,89	1	0,004
Обдумывание способа совершения суицида Pondering suicide method	15	42,8	3	10	8,71	1	0,003
Составление плана самоубийства Planning Suicide	6	17,1	0	0	5,66	1	0,017
Сообщение близким о суицидальных идеациях Communicating Suicidal Ideas to Relatives	7	20,0	0	0	6,72	1	0,009
Суицидальные мысли в анамнезе A history of suicidal thoughts	17	48,5	6	20	5,76	1	0,016

Часто в отношении детей разного пола используются различные воспитательные паттерны, так и общеизвестна гендерная специфичность восприятия родительских наказаний или пренебрежения. Возможно, по этой причине, у юношей не обнаруживаются статистически значимой разницы в отношении эмоциональной и физической изоляции даже при наличии фактов имеющегося физического и эмоционального насилия.

В табл. 5 представлены статистически значимые отличия суицидологического профиля юношей. Изученная группа юношей характеризуется достаточно высоким суицидальным потенциалом. Около 50% имели мысли о возможности совершения суицида, 40% обдумывали план его реализации, но только 20% говорили об этом своим близким. Это похоже на показатели аналогичной группы девушек, приведённых выше. Мы можем сделать вывод аналогичный высказанному в обсуждении подгруппы девушек, подвергавшихся буллингу. Схематически данное положение проиллюстрировано на предлагаемом ниже рис. 1.

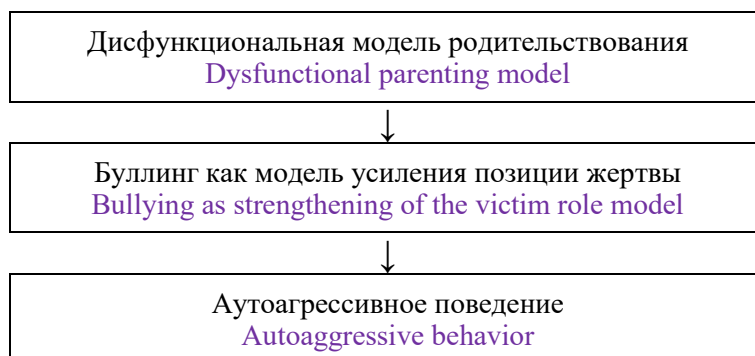

Рис. 1. / Fig. 1. Схема буллинг-опосредованной траектории формирования аутоагрессивных паттернов в исследованных группах / Scheme of a bullying-mediated trajectory of formation of auto-aggressive patterns in the studied groups.

Проведённое исследование демонстрирует опосредующую роль буллинга, усиливающего уже существующую

Often, different educational patterns are used for children of different sexes, and the gender specificity of perceiving parental punishments or neglect is well known. Perhaps for this reason, the young men did not show a statistically significant difference in relation to emotional and physical isolation, even in the presence of facts of existing physical and emotional violence.

Table 5 presents the statistically significant differences regarding the suicidal profile of young men.

The studied group of young men is characterized by a rather high suicidal potential. About 50% had thoughts about the possibility of committing suicide, 40% thought about a plan for its implementation, but only 20% talked about it to their loved ones. This is similar to the indicators of a similar group of girls given above. We can draw a conclusion similar to that expressed in the discussion of the subgroup of girls exposed to bullying.

Schematically, this provision is illustrated in the figure below (Fig. 1).

The study demonstrates the mediating role of bullying, reinforcing the already existing negative life position, which leads to understandable consequences. The data obtained, in our opinion, expand the existing understanding of the mechanisms of suicidogenesis, and also provide the basis for a more detailed study of bullying as a predictor and catalyst for auto-aggressive behavior.

негативную жизненную позицию, что приводит к вполне понятным последствиям. Полученные данные, на наш взгляд, расширяют существующие представления о механизмах суицидогенеза, а также дают основания для более детального изучения буллинга как предиктора и катализатора аутоагрессивного поведения.

Выводы:

1. В исследовании обнаружена связь между фактами «детской психологической травмы» и последующей подверженности буллингу, с одной стороны, и высокими суицидологическими рисками у лиц, имевшими подобный опыт в прошлом (буллинг), с другой. Это позволило предложить возможную модель буллинг - опосредованной траектории возникновения аутоагрессивных паттернов у лиц, изначально перенесших «детскую травму».

2. Лица, подвергавшиеся буллингу, с позиции суицидологической практики, представляют собой группу, требующую пристального внимания, подразумевающую разработку специфических превентологических подходов. Факт буллинга должен настораживать в плане потенциально высокого риска аутоагрессивного поведения и может быть отнесён к значимым предикторам такового.

3. В основе буллинга нередко лежит некая неадаптивная модель поведения, сформированная в результате негативного влияния родительской семьи. Этот факт следует учитывать при психотерапевтической коррекции последствий травмы как таковой, а также для построения эффективной работы в случае обнаружения аутоагрессивной активности.

Conclusions:

1. The study found a connection between the facts of "childhood psychological trauma" and subsequent exposure to bullying, on the one hand, and high suicidological risks in people who had similar experience in the past (bullying), on the other. This allowed us to propose a possible model of a bullying-mediated trajectory of the emergence of auto-aggressive patterns in people who initially had a "childhood trauma".

2. Persons exposed to bullying, from the standpoint of suicidological practice, are a group that requires close attention, implying the development of specific preventive approaches. The fact of bullying should be alarming in terms of the potentially high risk of auto-aggressive behavior and can be attributed to significant predictors of such.

3. The basis of bullying is often a kind of non-adaptive behavior model, formed as a result of the negative influence of the parent family. This fact should be taken into account when psychotherapeutic correction of the consequences of persecution as such, as well as to build effective work in the event of detection of auto-aggressive activity.

Литература / References:

- Алексеева Е.В., Николаева Ф.П. Личностные ресурсы защитников жертвы и агрессоров, участников буллинга в ситуации морального выбора. Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии. *Сборник статей по материалам научно-практической конференции*. Ялта, 2019. 248-251. [Alekseeva E.V., Nikolaeva F.P. Personal resources of the defenders of the victim and the aggressors, the participants of the bullying in a situation of moral choice. Prevention of deviant behavior of children and youth: regional models and technologies. *Collection of articles on the materials of the scientific-practical conference*. Yalta, 2019. 248-251.] (In Russ)
- Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследования и культурный феномен. *Психология*. 2013; 10 (3): 149-159. [Bochaver A.A., Hlomov K.D. Bullying as an object of study and a cultural phenomenon. *Psychology*. 2013; 10 (3): 149-159.] (In Russ)
- Тарасова А.Е. Причины самоповреждающего поведения подростков и молодежи. *Психологические науки*. 2019; 1 (16): 21-33. [Tarasova A.E. Reasons for self-harming behavior of adolescents and youth. *Psychological sciences*. 2019; 1 (16): 21-33.] (In Russ)
- Барбина В.Д., Слепухина Г.В. Проблемы буллинга в образовательной среде. *Modern Science*. 2019; 12 (2): 236-330. [Barbina V.D., Slepukhina G.V. Problems of bullying in the educational environment. *Modern Science*. 2019; 12 (2): 236-330.] (In Russ)
- Schwartz D., Lansford J.E., Dodge K.A., Pettit G.S., Bates J.E. Peer Victimization During Middle Childhood as a Lead Indicator of Internalizing Problems and Diagnostic Outcomes in Late Adolescence. *Journal of clinical child and adolescent psychology*. 2015; 44 (3): 393-404. DOI: 10.1080/15374416.2014.881293
- Wormington S.V., Anderson K.G., Schneider A., Tomlinson K.L., Brown S.A. Peer Victimization and Adolescent Adjustment: Does School Belonging Matter? *Journal of school violence*. 2016; 15 (1): 1-21. DOI: 10.1080/15388220.2014.922472
- Arseneault L., Bowes L., Shakoor S. Bullying victimization in youths and mental health problems: «much ado about nothing»? *Psychological Medicine*. 2010; 40 (5): 717-729. DOI:10.1017/S0033291709991383
- Всемирная организация здравоохранения. «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья». Буллинг (издательство, травля) среди подростков в Российской Федерации. *Информационный бюллетень по результатам исследования HBSC*. 2013/2014. 1-2. [World Health Organization. "Health behaviors of schoolchildren." Bullying among adolescents in the Russian Federation. *HBSC Study Newsletter*. 2013/2014. 1-2.] (In Russ)
- Волкова Е.Н., Цветкова Л.А., Волкова И.В. Методологические основания для разработки программ профилактики подросткового буллинга. *Сибирский психологический журнал*. 2019; 74: 88-100. [Volkova E.N., Cvetkova L.A., Volkova I.V. Methodological basis for the development of teenage bullying prevention programs. *Siberian Psychological Journal*. 2019; 74: 88-100.] (In Russ)
- Меринов А.В. Роль и место феномена аутоагрессии в семьях больных алкогольной зависимостью. СПб: «Экспертные решения», 2017. 192 с. [Merinov A.V. The role and place of the phenomenon of autaggression in families of patients with alcohol dependence. SPb: «Ehksperthnye resheniya», 2017. 192 s.] (In Russ)
- Психологическое сопровождение детей, переживших насилие и жестокое обращение в семье: методическое пособие. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. 46 с. [Psychological support for children surviving violence and abuse in the family. Methodical manual. Tambov: Publishing House of TROO "Business-Science-Society", 2014. 46 s.] (In Russ)
- Bernstein D.P., Ahluvalia T., Pogge D., Handelsman L. Validity of the Childhood Trauma Questionnaire in an adolescent psychi-

- atric population. *J. Am. Acad. Child. Adolesc. Psychiatry* 1997; 36: 340-348. DOI: 10.1097/00004583-199703000-00012
13. Baker A.J., Maiorino E. Assessments of emotional abuse and neglect with the CTQ: Issues and estimates. *Children and Youth Services Review*. 2010; 32: 740-748.
  14. Katie A., Ports Ph.D. Adverse Childhood Experiences and Suicide Risk: Toward Comprehensive Prevention. *American Journal of Preventive Medicine*. 2017; 53: 400-403.
  15. Norman R.E., Byambaa M., Butchart A., Scott J., Vos T. The long-term health consequences of child physical abuse, emotional abuse, and neglect: a systematic review and meta-analysis. *PLOS Med*. 2012; 9 (11): 1-31. DOI: 10.1371/journal.pmed.1001349
  16. Hoertel N., Franco S., Wall M.M., Oquendo M.A., Wang S., Limosin F. Childhood maltreatment and risk of suicide attempt: a nationally representative study. *The Journal of Clinical Psychiatry*. 2015; 76 (7): 916-923.
  17. Dawes M., Chen C-C., Farmer T.W., Hamm J.V. Self-and Peer-Identified Victims in Late Childhood: Differences in Perceptions of the School Ecology. *Journal of Youth and Adolescence*. 2017; 46 (11): 273-228. DOI: 10.1007/s10964-017-0688-2

VICTIMS OF BULLYING: AN ANALYSIS OF EDUCATIONAL PATTERNS AND SUICIDOLOGICAL STATUS

A.V. Merinov, A.Yu. Alekseeva, E.R. Zavalova

Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia;
merinovalex@gmail.com

Abstract:

In recent decades, the domestic lexicon has been enriched by such an important term as “bullying”. Bullying (abuse in a team) is a systemic psychological terror, bullying by a stronger group or individual over a weaker one for a long time. A significant part of publications on this topic is presented in the English-language segment. However, at the moment, the causes of this phenomenon remain unclear, and the consequences are not indicated sufficiently specific. Aims and objectives: to study the effect of bullying on auto-aggressive, and, in particular, on the suicidological profile of boys and girls, as well as the search for its possible predictors. Materials and methods: there were studied 123 girls (mean age 21.9±2.5 years) and 35 young men (mean age 22.4±2.7 years) who were systematically exposed to bullying. The control group included 126 girls and 30 young men of the corresponding age. As a diagnostic tool, a clinical and anamnestic questionnaire were used to identify autoaggressive patterns and their predictors in the past and present, the international ICAST-R questionnaire, a questionnaire for assessing adverse CTQ childhood experience. A comparison was made of all the studied characteristics in the subgroups. Mathematical data processing was performed using the SPSS-Statistics and Statistica 12 programs. Results: according to the data obtained, 45% of girls and 46% of boys were victims of bullying, of whom 5% of girls and 8% of boys experienced “regular bullying”, which generally indicates the widespread prevalence of this phenomenon. It is worth noting that girls and boys from the study group were more exposed to various types of violence (emotional, physical, sexual) in childhood relative to control groups. Also, some patterns of parenting were studied. Differences were identified with respect to the basic attitudes of a sense of security and protection in the family. The data obtained may indicate the formation of the position of the "chronic victim" familiar in the parental family. When assessing the suicidological characteristics of the studied groups, the following statistically significant indicators were identified. In the studied groups, more than 50% of girls and 48.5% of boys had thoughts about the possibility of committing suicide. 45.5% of girls and 42.8% of young men considered the method of committing suicide (26.1% and 10% in the control group); they drew up a suicide plan (24.3% of girls and 17.1% of boys against 8.7% and 0% of control, respectively), the presence of a suicide attempt in the anamnesis was reported for 18.7% of girls (in control – 7.1%). Conclusions: it can be assumed that bullying can be an “intermediate” stage, rooting and reinforcing the “I am not OK” position, as well as a factor catalyzing auto-aggressive behavior. The fact of bullying should be alarming in terms of the potentially high risk of auto-aggressive behavior and can, without a doubt, be attributed to predictors of suicidal behavior.

Keywords: bullying, bullying, dysfunctional parental family, auto-aggressive behavior, suicidal behavior

Вклад авторов:

A.V. Merinov: дизайн исследования и статьи, написание и редактирование текста рукописи;
A.Yu. Alekseeva: написание текста рукописи, редактирование текста рукописи
E.R. Zavalova: сбор материала, математическая обработка, написание текста рукописи.

Authors' contributions:

A.V. Merinov: developing the research design, article writing and editing;
A.Yu. Alexeeva: article writing and editing;
E.R. Zavalova: material collection, mathematical processing, article writing.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 29.03.2020. Принята к публикации / Accepted for publication: 22.06.2020.

Для цитирования: Меринов А.В., Алексеева А.Ю., Завалова Е.Р. Жертвы буллинга: анализ воспитательных паттернов и суицидологического статуса. *Суицидология*. 2020; 11 (2): 33-41. doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-02(39)-33-41

For citation: Merinov A.V., Alekseeva A.Yu., Zavalova E.R. Victims of bullying: an analysis of educational patterns and suicidological status. *Suicidology*. 2020; 11 (2): 33-41. (In Russ) doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-02(39)-33-41